

9. Дьянков Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974.
10. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования М., 1987.
11. Бородин Л.И. «Порядок из хаоса»: Концепции синергетики в методологии исторических исследований. // М, 2003.

К ПРОБЛЕМЕ НАУЧНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Ералина Акмарал Ериковна

старший преподаватель

Костанайский государственный университет имени А.Байтурсынова

г.Костанай, Республика Казахстан

Исторический опыт и современность взаимосвязаны. Опыт прошлого является, и всегда будет являться необходимой предпосылкой понимания современности. Поэтому историческая наука – это хранилище и собирательница опыта прошлого, его толковательница. Она выводит уроки из опыта прошлого, которые понимались в разное время по-разному. Таким образом, исторический опыт и уроки истории – это понятия совершенно не тождественные.

Исторический опыт – это объективная категория. Это прошлое в его наиболее существенных проявлениях.

Уроки истории – это субъективная категория. Это интерпретация опыта прошлого в интересах и с позиций кого-либо или чего-либо.

Для человека вообще характерно извлечение из прошлого уроков, необходимых для настоящего. Долгое время существовало представление (иногда бытующее и ныне), что прошлое может повторяться в том же самом или похожем виде. Поэтому, брать уроки у истории это, значит, приходиться к тем результатам, которые были, или наоборот стремиться, не повторять прежних ошибок.

Так полагал, например, римский историк Тит Ливий (59 г. до н.э. – 17 г. н.э.), писавший: «В том и состоит главная польза и лучший плод знакомства с событиями минувшего, что видишь всякого рода поучительные примеры в обрамлении величественного целого: здесь и для себя, и для государства ты найдешь чему подражать, здесь же - чего избегать».

Таких же взглядов придерживался и Н. Макиавелли (1469-1527), обращавшийся к истории потому, что надеялся найти в прошлом опыт, который помог бы ему решить задачи настоящего («Государь», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия»).

Однако на самом деле буквального повторения не бывает, и быть не может, ибо хотя прошлое и связано с настоящим, оно все же отличается от современности. Поэтому проблема использования уроков истории не может быть сведена к простому заимствованию.

Опыт прошлого может выступать как критерий истинности; может выполнять воспитательную функцию. Он может выступать как эвристическая ценность, для получения нового знания, ибо изучение прошлого с целью получения нового знания также необходимо для понимания настоящего.

Следовательно, нельзя слепо, автоматически переносить прошлое в настоящее. Современность – всегда более сложное явление, несущее новые черты, и истины прошлого должны уточняться знанием современности.

Однако для успешного использования опыта прошлого необходимо наличие двух условий: во-первых, должна быть зрелой историческая наука; во-вторых, должно быть зрелым общество, способное усвоить и использовать эти уроки.

В таком контексте справедливыми считаются слова Т.Н. Грановского (1813-1855) о том, что история – это нежный цветок, который может расти не на всякой почве. Какими же качествами должен обладать историк, который исследует и пишет историю человечества?

Историкуну необходимы: высокий профессионализм, широкая эрудиция, чувство ответственности перед людьми, жившими в изучаемый период, перед коллегами и, наконец, перед современным обществом. В то же время активность исследователя, извлечение информации, создание моделей не должно оставить места произволу, искажению истории. Роль исследователя велика, когда он остается один на один с материалом. От его честности и таланта зависит результат исследования.

Историк должен ориентироваться на раскрытие причинно-следственной связи явлений, выявление факторов, вызывающих то или иное явление. При системном подходе изучаются функциональные связи.

Большинство историков в своих исследованиях ищут причины исторических событий – это первичное признание наличия необходимых, закономерных связей в истории. На самом деле все обстоит сложнее. Существует несколько уровней причин. Например, Россия вела в Казахстане в XIX веке захватническую войну. Есть причины конкретные, связанные с отношениями двух стран (единичные), есть причины, связанные с расширением Российской империи (особенные) и есть причины, коренящиеся во всемирной схватке за раздел и передел мира (общие). Конечно, были экономические, политические, стратегические, психологические, идеологические и другие причины захвата казахских земель. Историки придают решающее значение отдельным факторам или группе факторов – этим их труды и отличаются друг от друга.

Еще сложнее определить причины поступков и решений государственных и общественных деятелей – из-за множества влияющих на них факторов. Можем ли мы считать, что знаем все причины Первой мировой войны – сложного многопланового события, в ходе которого менялись цели и намерения сторон. Иногда приводится много причин поражения казахских ханов в войне жонгарами в XVIII веке. Но какая (или какие) из них была решающей – мнения историков расходятся. Все это порождает сомнения в закономерности этих событий. Таким образом, поиск историком причинно-следственных связей всегда был важным средством объяснения исторических событий. Хотя поиск этот не был простым, и по сей день нельзя считать его завершенным по многим историческим проблемам.

В 90-х годах прошлого века связи между учеными историками региона ослабли и поддерживались эпизодически. Такие понятия как «среднеазиатская археология, этнография, нумизматика и эпиграфика», «среднеазиатское источниковедение и востоковедение» как общерегиональные направления исторической науки потеряли былое значение. Решение различных задач исторической науки происходило в странах Центральной Азии независимо друг от друга.

Обращение к древней истории и историко-культурному наследию в странах региона приобрело широкий характер, что нередко выходило за рамки изучения сугубо научных проблем. История стала популярным занятием творческой интеллигенции, общественных деятелей и политиков, появился жанр исторической публицистики, в котором утверждался принцип свободной интерпретации исторических событий. Профессионализм и конкретно-исторический подход к изучению и анализу проблем древней истории все чаще уступал место дилетантству.

К сожалению, практически не обращали внимания на многочисленные случаи приукрашивания истории, тенденцию чрезмерной идеализации далеких событий и мифологизацию истории отдельных народов, а также на стремление доказать, что сложные проблемы древней истории можно решать, основываясь лишь на преданиях и легендах. При этом полностью игнорируется положение о том, что в отличие от легенд, в

исторических событиях и фактах отсутствуют выдуманные сказочные элементы, что они носят логический характер. Так появлялись статьи и книги, авторы которых, совершенно не используя соответствующие источники и данные историографии, стали переписывать историю «по своему вкусу и усмотрению», причем стремление пересмотреть историю часто доводилось до абсурда.

Можно вообще не затрагивать разные крайности, столь обострившиеся сегодня, с оговоркой, что стремление воссоздать прошлое, историю своего народа, на современном этапе понятно всем. Но здесь возникает вопрос о правдивом обобщении событий прошлого, о соотношении истории и мифа. Это всегда имело актуальное значение.

Огромный пласт исторического сознания представляет информация, которая относится к восприятию того, что связано с жизнью личности, ее ближайшего окружения. Представление о лицах национальных героев, гениев, талантов и их деятельности хранится в совокупной исторической памяти, как в своеобразном музее – их знают по учебникам, по научной и художественной литературе. Но таких – единицы.

Память же о миллионах и миллионах других хранится в запасниках этого музея, в памяти только близких, родных, друзей. Но это миллионы кирпичиков в фундаменте нашей исторической памяти, безымянные работники и свидетели, без которых немислима сама История и, что особенно важно, наша причастность к ней. Глубоко убежден, что человек не может в полной мере ощутить себя гражданином страны, если он не только не знает важнейшие события, вехи ее истории, но и родословную своей семьи, историю своего города, села, своего края, в котором он родился или живет.

Знание о семейной родословной тесно переплетается с историей своего народа. Национальная самоидентификация всегда играла огромную роль в личном поведении людей, но ее значение особенно возросло в условиях переходного периода. Показателен и тот факт, который регистрирует не просто созерцательное отношение к истории, но и желание внести свой вклад в сохранение ее ценностей, ее объектов и символов. Согласно имеющейся информации, только 4% людей принимают непосредственное участие в восстановлении памятников истории и культуры. Еще 33% говорили о том, что они содействуют этому процессу, в частности, внося некоторые средства в их восстановление. Иначе говоря, гражданская активность людей по отношению к своему историческому прошлому еще невелика.

С личной исторической памятью и историческим сознанием связан ренессанс интереса к народному духу, тяга к культурному и духовному наследию прошлого.

В период приобретения независимости государств в постсоветском пространстве количество историко-методологических исследований значительно возросло. Здесь напрямую сказалось освобождение исторической науки от идеологического диктата. Важно, что именно с этого времени и в казахстанской исторической науке заметно возрастает интерес к проблемам теории и методологии истории. Здесь следует назвать исследования Н.А. Назарбаева, К.А. Берденовой, М.К. Козыбаева, Б.А. Досовой, М.Х. Абусеитовой, К.Л. Есмагамбетова, Н.Э. Масанова, И.В. Ерофеевой, Ж.Б. Абылхожина, М. Койгельдиева, Т. Омарбекова, В.П. Юдина, А.И. Оразбаевой, К. Атабаева, Б.Б. Ирмуханова. В работах М.К. Козыбаева, Б.А. Досовой анализируются ключевые вопросы историографии, источниковедения и методологии истории Казахстана. Важное внимание в их творчестве занимают вопросы определения места Казахстана в общемировой истории, становления и развития евразийской цивилизации, роли советского периода в жизни страны, общие проблемы методологии познания истории. В исследованиях М.Х. Абусеитовой, К.Л. Есмагамбетова, Н.Э. Масанова, И.В. Ерофеевой, Ж.Б. Абылхожина раскрываются вопросы оценки истории Казахстана современной западной историографической мыслью, роли источников в исследовании и интерпретации исторической реальности, принципиальных отличиях научного знания от мифологических историографических схем и др. В работах К.А. Берденовой, М. Койгельдиева, В.П. Юдина,

А.И. Оразбаевой исследуются вопросы использования источников в разработке этнических, политических, экономических реалий в истории Казахстана, применения цивилизационных подходов к объяснению генезиса кочевого общества.

Ряд методологически важных и интересных для исторического познания вопросов поднимают в своих работах К. Атабаев, Б.Б. Ирмуханов. В частности, К. Атабаев одним из первых в казахстанской исторической науке исследует природу таких интересных понятий как «факт», «фактологические источники», «летопись». В исследованиях Б.Б. Ирмуханова исследуются проблемы всемирно-исторического процесса, места в нем истории Казахстана, методов исторического познания, исторических источников.

В работе Омарбекова Т. исследуются методологические проблемы национально-этнического взгляда на историю и историографию Казахстана. Проводится сопоставительный анализ с существующим курсом истории и историографии Казахстана.

В тоже время следует признать, что, несмотря на существенно возросший интерес к проблемам методологии и историографии истории все еще мало исследуются общие проблемы исторического познания, методов исследования истории.

Как в российских, так и казахстанских исторических исследованиях, посвященных методологии истории сложное состояние исторической науки связывается с неудовлетворительным состоянием теоретической базы науки. Безусловно, это в значительной степени так. Но в тоже время этим не все сказано. Кризис отечественной истории как для истории в Казахстане, так и в России связывается, как это особенно наглядно показала постперестроечное время и с конъюнктурными аспектами исторических работ, проявившимися особенно наглядно в советское и постсоветское время. И это стало связываться с теорией исторического процесса марксизма, о чем прямо пишут Л.П. Репина, И.М. Савельева, А.В. Полетаев.

С конца 80-х годов XX в. отечественная историческая наука последовательно пережила три этапа интерпретации прошлого нашей страны: советский, перестроечный и постсоветский. За неполные 15-20 лет мы одни и те же исторические события интерпретировали в трех вариантах: от апологетического советского до очернительного перестроечного и постсоветского.

Оценивая эти важные перемены в историческом познании можно вполне определенно утверждаться в мысли, что интерпретация обосновано, выступает историографическим методом исследования. К сожалению, этот метод в историографической науке не получил должной разработки о чем говорит отсутствие крупных работ по той проблематике. Мы надеемся, что эта проблема будет рассмотрена в дальнейшем.

Таким образом, в современной исторической науке есть множество вопросов, на которые предстоит ответить нашим историкам, особенно проблемы теоретико-методологических основ познания истории прошлого и современности в контексте наших сегодняшних потребностей и возможностей.

Список литературы

1. Коломийцев В.Ф. Методология истории. – М., 2001.
2. Панарин А. Философия истории. – М., 1998.
3. Турежанова С.А., Колдыбаев С.А. Проблемы методологии исторического познания. Костанай, 2008.
4. Ракитов А.И. Историческое познание. – М., 1982.
5. Репина Л.П. Новая историческая наука и социальная история. – М., 1998.